

УДК 101.1

С.И. Тихомиров

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

root@sevgtu.sebastopol.ua

СВОБОДА И ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Рассматривается проблема определения оптимального соотношения детерминизм/ свобода в социальной системе.

Сегодня, когда с момента начала революционных преобразований в советском обществе прошло уже более полутора десятилетий, дебаты вокруг проблемы соотношения причинность / свобода в социальной системе уже утихли. Да и о чём тут спорить, когда торжествует свобода самовыражения личности, а тоталитаризм предан анафеме? Дебаты перенесены в другую плоскость: а что же, собственно говоря, с этой свободой делать? И вот здесь начинает подтверждаться правота одного отечественного пророка, которому как и полагается всякому настоящему пророку, не нашлось места в своём отечестве. «Гипноз свободы оплачивается очень дорого, как и гипноз любого вранья... После СССР нам будут предлагать очень многое. И все будут врать в свою лавочку. Будет много кандидатов в министры и вожди, в партийные лидеры и военные диктаторы. Будут ставленники банков и ставленники трестов – не наших. Будут ставленники одних иностранцев и ставленники других. И все будут говорить, прежде всего, о свободах: самая многообещающая и самая ни к чему не обязывающая тема для вранья: свободу, как нам уже доподлинно известно, организовывали все. И Сталин, и Гитлер, и Муссолини ... Пилсудский Появятся... и новые пророки – изобретатели нового земного рая – то ли в одной нашей стране, то ли во всей поднебесной... В общем – будет всякое. И на всякого «мудреца» найдётся достаточно простаков – с этим ничего не поделаешь: бараны имеются во всех странах мира – от самых тоталитарных, до самых демократических. Их, как известно, не сеют и не жнут» [1]. Черeda непрекращающихся кризисов в политике, экономике, демографии, регресс, отбросивший страны Содружества чуть ли не на сто лет назад – не слишком ли высокая цена для дуботы обретенной свободы? Да и свобода ли это?

Проблемы, обсуждаемые в данной статье, сформулируем в виде следующих вопросов. Правомерно ли рассматривать свободу от внешнего контроля как наивысшую социальную ценность для всех членов общества? И если нет, для каких социальных слоёв её ценность больше, чем для других? Существует ли такое значение отношения централизм / свобода, при котором потребность в свободе для всех членов общества может быть удовлетворена? Итак, предположим, что на первый вопрос даётся положительный ответ. Рассмотрим расхожую формулировку самого большого социального греха – тоталитаризма.

«Тоталитаризм – общественно-политический строй, который характеризуется всеобъемлющим «командным» вмешательством авторитарного государства во все сферы жизни и деятельности общества и отдельных личностей. Тоталитарный характер несут абсолютистские, нацистские, фашистские, социалистические режимы. Им свойственно огосударствление всех легальных организаций, неограниченные полномочия властей, запрещение демократических институтов, ликвидация прав и свобод граждан, существование, как правило, однопартийной системы, милитаризация экономики, репрессии в отношении оппозиции и инакомыслящих. Человечество с трудом освобождалось от пут тоталитаризма; основополагающая же тенденция развития человеческой цивилизации – это эволюция к демократическому пути развития и усвоение всех ценностей демократии» [2].

Из процитированного следует, что самый большой упрек в адрес тоталитаризма заключается в том, что этот государственный строй подавляет прежде всего политическую и экономическую свободу отдельных граждан (оппозиции и инакомыслящих) от общества как единого целого. А как же все остальные граждане? А вот как. «Понятие свободы, взятое отвлечённо, в разрезе «да здравствует», – есть понятие вздорное. Свобода, может быть, и будет здравствовать, но вам-то придётся совсем плохо. Рядовой человек, то есть, в данном случае не профессионал политики, заинтересован в массе совсем простых вещей: в свободе труда, веры, передвижения, в безопасности от татар и от чекистов и в том, чтобы его не заставляли кричать ура татарам или чекистам. Он, рядовой человек, не собирается садиться ни на место Сталина, ни даже на место Клемансо. Интересы партийной борьбы ВСЕГДА направлены против его интересов. Партийные дяди норовят сделать себе капитал – политический, и просто, наличный, обыкновенный капитал» [1]. Простим человеку, скрывавшемуся и от белых и от красных некоторую резкость суждения. Обратимся к научным фактам.

Социум можно изучать, применяя метод теории систем. Всякая система изменяется во времени; при этом, если говорить максимально обобщённо, то каждое её точечное состояние характеризуется определённым соотношением организации и хаоса (детерминированности и свободы, упорядоченности и степени энтропии). Начальная точка существования системы характеризуется практически нулевой упорядоченностью и максимальной энтропией (свободой). В дальнейшем организованность системы начинает увеличиваться, а степень энтропии – уменьшаться. В некоторый момент времени внутреннее накопление противоречий внутри системы приводит к необходимости перехода на более высокий уровень развития с большим числом качественных различий компонентов системы и их связей. Если степень упорядоченности системы слишком мала, переход на следующий уровень развития осложняется из-за недостаточной организованности (кризиса управления). Переход предельно затруднён в случае, если уровень свободы слишком мал из-за заторможенности восприятия внешних импульсов развития, вплоть до «выключенности» из общего процесса эволюции. Вывод таков. Целью всякой системы, в том числе социальной, является самосохранение, то есть, поддержание её жизни в условиях самых разнообразных внутренних и внешних воздействий. Это возможно лишь тогда, когда соотношение свобода / упорядоченность имеет оптимальное значение. Оптимальность означает, что, с одной стороны, поддерживается стабильность и качественная определённость системы, а с другой - имеется достаточный уровень неопределённости (свободы, хаоса, энтропии), оставляющий возможность для перемен и поддержания необходимых темпов развития.

Человеческое общество состоит из людей, имеющих и биологическую и социальную сущность. Биологическая жизнь поддерживается целым рядом гомеостатических и адаптационных механизмов человеческого организма. Проведённые Г. Маклаковым эксперименты (изучение ароматерапии, фотостимуляции, музыкотерапии, православных обрядов, некоторых медитативных техник, динамики кровообращения и т.д.) подтвердили сделанные им ранее теоретический вывод: «в гармонично функционирующей биосистеме в простейшем случае доля хаоса (беспорядка) должна составлять 0,382 от максимального значения энтропии, а упорядоченности – 0,618». Или, более строго: «относительная энтропия системы и относительная организации системы должны соотноситься между собой через инварианты золотого сечения» [3]. Таким образом, физиологически любой человеческий организм

нуждается приблизительно в 38 % свободы. Однако, в действительности, её необходимо ещё меньше. Разберёмся почему.

Биологическая система гомеостаза представляет собой «совокупность и взаимодействие компонентов крови, стенок сосудов и органов, принимающих участие в процессе кровообращения. Гомеостаз во многом определяет информационные процессы в системах гомеостатического управления, отражает регуляторные процессы восстановления баланса вещества, энергии и информации. Наличие у элементов крови электрического заряда и магнитного момента создаёт предпосылки к переносу спин-торсионных взаимодействий к функциональным системам организма. Вследствие пространственной ориентации компонентов крови, внешние электромагнитные поля способны изменить её основные характеристики, в частности, вязкость» [там же]. Так, благодаря изменению характеристик крови сознание человека регистрирует сигнал о пищевом насыщении. А вот, скажем, у птиц такого механизма нет, и, если пища не кончается, то они едят, пока не умрут. Как бы то ни было, очевидно, что поддержание работы гомеостатического механизма (поддержания биологической жизни) связано с энергетическими затратами, а поэтому требует пополнения энергетического потенциала из окружающей среды. Для этого каждый человеческий организм должен иметь доступ хотя бы к минимальному объёму ресурсов, именуемому прожиточным минимумом (удовлетворение физиологических потребностей здесь и сейчас). Однако для выживания на перспективу (производство и воспроизводство жизни и рабочей силы) требуется уже значительно больший объём ресурсов, равный минимальному потребительскому бюджету. Эта потребность названа А. Маслоу потребностью в безопасности и защищённости.

Обе низшие потребности (физиологическая и потребность в безопасности) люди не могут удовлетворить в одиночку. Человек имеет и социальную сущность, в рамках которой он организует производство и потребление ценностей и ресурсов. Для реализации своего естественного права на жизнь люди испытывают потребность в принадлежности к той или иной социальной общности, каждая из которых является подсистемой социума. «Общество – это совокупность развивающихся человеческих отношений и связей. Естественные отношения – многообразные связи, возникающие между социальными общностями людей, ... а также внутри них в процессе жизнедеятельности. Чем выше общественное производство, тем шире круг людей, деятельность которых реализуется в процессе производства. В определённом смысле каждая вещь обязана своим

происхождением всему множеству людей, составляющих общество. Речь идёт о том, что производимые человеком предметы, являясь не просто вещами, обладающими определёнными свойствами. Эти предметы представляют собой воплощение человеческих связей. Мир предметов – это, как бы грань социального мира. Таким образом, общество представляет собой не что иное, как продукт, результат человеческой деятельности, которая «вплетена» в динамическую систему социальных связей и контактов» (Есипенко Д.Н., Чугунов С.В.). Итак, общество представляет собой систему человеческих взаимодействий. Но любая система, а значит, и эта, развивается. Следовательно в ней также должно поддерживаться оптимальное соотношение свобода/упорядоченность. При этом данное выше биологическое соотношение входит в социальное как составная часть. Тогда средняя степень социальной свободы должна содержать поправку, взятую со знаком «минус». Говоря иначе, степень упорядоченности социальной системы должна быть выше, чем биологической.

Известным авторитетом в области динамики социальных систем Е. Седовым установлено, что выживание социальной системы (включая потенциал развития и адаптации к внешним воздействиям) обеспечивается при соотношении свобода/упорядоченность равном 1 к 4 [4]. Поддержание качественной определённости общества (в том числе духовной культуры) неизбежно оплачивается утратой ещё 18% индивидуальной свободы. В свою очередь это, по Е. Седову, означает, что внутри социума потребность в свободе у разных социальных групп неодинакова. Для большинства людей соотношение 1 к 4 является вполне достаточным. Однако, для тех людей, кто «воспринимает импульсы развития» и адекватно реагирует на них (творческие личности, политическая элита, и все те, у кого потребности в самореализации и в самоактуализации максимальные), общество, опять-таки в целях самосохранения, должно предоставить степень свободы, которая гораздо выше средней. Такой «общественный договор» должен предусматривать и ограничение излишка свободы, в случае если социальная элита начинает пренебрегать своей миссией и удовлетворять только собственный эгоизм. В то же время свобода тех личностей, которые в силу различных причин не поддаются социализации (антиэлита), должна быть изначально предельно сужена только пределами первичных потребностей. Кстати говоря, Платон догадался о необходимости этой меры ещё двадцать пять веков назад.

Таким образом, приведённая нами выше формулировка социального тоталитаризма сама является тоталитарной, ибо, во-

первых, исходит из понимания сущности человека как некоего стандартизированного существа, для которого потребность в свободе, как таковой, является самодовлеющей, а во вторых, распространяет на этого усреднённого человека потребности, свойственные, главным образом, социальной элите. Говоря обобщённо, здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда объективно важнейшая, реальная потребность человека в поддержании жизни подменяется идеальной, трудно формализуемой и свойственной только немногим. Это явление хорошо известно социальной философии, которая именуется его тоталитарной принудительностью методологии восприятия окружающей действительности. Когда социальные доктрины такого рода перестают служить поиску альтернатив общественного развития и становятся основой концепции государственного строя, не учитывающего витальные потребности людей, тогда государство становится тоталитарным. И здесь нет никакой разницы в том, какая именно социальная доктрина находится в фундаменте конституции – коммунистическая, либеральная, религиозная или какая-либо другая.

О коммунистическом тоталитаризме и его последствиях хорошо известно. Но он, по крайней мере, позволял удовлетворять жизненные потребности людей, хотя и препятствовал удовлетворительному восприятию импульсов общечеловеческого социального развития. Этот тоталитаризм низводит повышенную потребность социальных элит в творческой свободе до уровня среднего человека. В результате социальная система теряет свою эффективность, снижая степень удовлетворённости тех самых жизненных потребностей «среднего человека». Однако существуют и другие типы тоталитаризма.

Либеральный тоталитаризм как социальный феномен известен меньше, но его последствия оказываются не менее разрушительными. Теряется властная социальная структура, которая могла бы о себе сказать следующее: «Это взаимовыгодное сотрудничество. Мы даём нашему народу уверенность в завтрашнем дне, веру в то, что его будущее гарантировано. А за это он позволяет управлять собой, перекладывая на нас часть ответственности за каждодневный выбор». Каждый человек из элемента социальной системы превращается в саму систему, одна из подсистем которой ответственна за эволюцию, а вторая – на выживание. Но для выживания, человек, вне зависимости от него соответствующих способностей и потребностей, должен стать элитой самому себе. И даже более того, у него остаётся только право без соответствующего материального обеспечения. Провозглашённые же либеральными революциями права индивидуума становятся правами корпоративными, олигархическими. В результате социальная

элита освобождается от ответственности за поддержание общественного блага, а неспособные к жёсткой конкуренции предельно узкой специализации социальные низы просто-напросто вымирают.

Даже в условиях современного Запада либеральный тоталитаризм ощущается все сильнее и сильнее. Вот что пишет по этому поводу известный французский теоретик тоталитаризма Ж.П. Бодрийяр: «Речь не идёт о свободе... Речь, скорее всего, идёт о либерализации, а либерализация – это нечто совсем другое, нежели свобода. Это как раз распространение системы цепей, циклов коммуникаций... вирусного типа, которые обнаруживаются в неоиндивидуализме... Таким образом, мы попадаем в систему либерализации диктаторского типа – применительно к ней можно даже говорить о терроризме. Нам всё время твердят о преимуществе демократических ценностей над ценностями интегризма, но сама либеральная система, сам новый мировой порядок профессионалов, которые утверждают его от имени либерализма, – система террористическая». Вот и получается, что предельная свобода оборачивается невозможностью удовлетворения базовых, жизненных потребностей. И если такая свобода централизованно поддерживается, навязывается искусственно, она уже и не есть свобода, либо является свободой умереть. Инстинкт самосохранения может подтолкнуть людей к силовому ограничению свободы, появлению «спасителя и заступника», который может заявить: «Демократия – это миф... Свобода – это миф. На самом деле народу не нужны ни свобода, ни демократия. Они легко обменивают их на экономическое процветание, гарантированный заработок и возможность карьерного роста». Так замыкается круг. И совершенно не случайно, что в античную эпоху, когда помыслы людей были ещё прозрачны, демократию не жаловали, часто предпочитая ей то монархию, то «демократическую тираннию».

Подведём итоги. Как демократия, так и свобода личности являются непреходящими объективными ценностями человеческой цивилизации. Но ценностями отнюдь не абсолютными. Они представляют собой лишь важные элементы ресурсной базы осуществления главного человеческого права – права на жизнь. И в смысле последствий их «употребления» демократия и свобода ничем не отличаются от всяких других материальных и нематериальных ресурсов существования. Ножом, стрихнином, динамитом, энергией атомного ядра можно спасать и поддерживать жизнь, а можно её отнимать. Дело лишь в дозе и области применения. Парадоксально, но

факт: для того, чтобы поддержать свободу и демократию, обществу необходимо осознать важность их эффективного ограничения.

Библиографический список

1. Солоневич И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. — М., 1997. — С. 416 – 417.
2. Философский энциклопедический словарь. — М., 1999. — С. 458.
3. Маклаков Г.Ю. Энтропийно-информационный подход объективизации внешних воздействий на человека / Г.Ю. Маклаков // Социальные процессы и проблемы духовности: / Сб. науч. тр. — К.; Севастополь, 1998. — С. 98 – 101.
4. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. - № 5. – С. 92 – 100.

Поступила в редакцию 14.11.2002 г.